

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

СТРАННИК

Александр Фомич Вельтман

Илья Ларин
(Литературные памятники. Том 217 #2)

Рассказ был напечатан в газете «Московский городской листок» (1847, № 8). В нем описана встреча автора с Ильей Лариным, отставным унтер-цейгвахтером, с которым он познакомился в Кишиневе.

Для нашего издания отобраны отрывки из «Ильи Ларина», в которых речь идет о кишиневской жизни.

Содержание

Илья Ларин Рассказ (Отрывки)	0004
Комментарий	0010

Илья Ларин

Рассказ

(Отрывки)

<...> Некогда в Бессарабии, в благополучном городе Кишиневе, в один прекрасный вечер Пушкин, Г<орчаков> [1] и я на широком дворе квартиры Л<ипранди> [2], помнится, играли в свайку [3] и распивали чай.

— Здравствуйте, господа! — раздался подле нас осиплый, но громкий голос.

Это был Ларин в его обычной одежде, с железной дубиной, с полпуда весу, в руках.

— Что тебе? — спросил серьезно Л<ипранди>.

— Ах собака! Известно что: чем гостей встречают?

— А знаешь, чем провожают?

— На! провожай! — крикнул он, приподняв железную свою дубину и засадив ее в землю до половины.

Мы все захохотали на эту выходку; этого только и нужно было ему.

— Эй! Как зовут твоего, братец, денщика? Ты! Поддай Илье Ларину, всесветному барину, стакан чаю с ромом!

С этой минуты Ларин прикомандировался к нам и забавлял нас своими выходками. <...>

Однажды в Кишиневе, у г. О<рлова>[4], в числе штабных ежедневных гостей обедали званные: А. С. Пушкин, Л<ипранди>, Г<орчаков> и я; после обеда сидели все у камина. Разговор был о литературе и литераторах. Пушкин сердился на современных молодых поэтов и говорил, что большая часть из них пишут стихи потому только, что руки чешутся.

— А у тебя, Пушкин, что чешется? — спросил О<рлов>.

Пушкин не успел дать ответа, потому что в это самое время показалась в дверях пресмешная красная рожа, в длинном сертуке, с палкой в руках, и крикнула:

— Здравствуй, О<рлов>! Настоящий орел! руку!

О<рлов> окинул взором неожиданного гостя и столь же неожиданно скомандовал, ста-

новясь перед ним:

— Во фронт! Руки по швам! Налево кругом! Скорым шагом марш-марш!

По слову неожиданный гость исполнил команду и вышел, маршируя.

Это был Ларин, с которым мы познакомились впоследствии у Л<ипранди>. <...>

В 18.. году, перед самым отъездом Л<ипранди> в турецкую кампанию, рано утром денщик вбежал в комнату и разбудил его криком:

— Барин, барин! Георгий убил Зоицу!

— Что такое? Как убил? Каким образом? — спросил Липранди.

— Ятаганом убил наповал! Извольте посмотреть.

Встревоженный Липранди выбежал. Зоица лежала мертвая, распростертая подле крыльца. Ятаган по рукоять под самым сердцем. Арнаут Георгий, закрыв лицо руками, стоял над ней.

— Георгий! — крикнул Липранди, — что ты сделал?

Разбросив вдруг руки, бледный, Георгий

обвел кругом помраченный взор.

— Делайте со мной что хотите! Я убил Зоицу! — отвечал он.

— Злодей! Зачем ты убил ее?

— Закон велел, — отвечал Георгий, глубоко и тяжело вздохнув.

— Какой закон?

— Мой! Я не ее одну убил... не ее одну... ах! не ее одну!.. Я убил и кровь свою!..

Георгий был магометанин; Липранди понял страшный предрассудок и не знал, что говорить. Все стоявшие вокруг также молчали, пораженные ужасом.

— Грешен я! Делайте со мной что хотите! — продолжал Георгий, сложив руки и опустив голову. — Я любил ее... Я говорил ей сегодня в последний раз: Зоица, я еду с барином на войну... Крови своей я не отдам христианам... Послушай меня: бог один... прими мою веру!.. Три раза сказала она: нет!.. а не сказала: Георгий, лучше убей меня; веры не переменяю; а без тебя мне все равно не жить... — Зоица! — сказал я ей: — крови своей не оставлю я в неверной утробе... я пролью ее... так велит закон!.. Она побоялась смерти,... побе-

жала от меня... от меня побежала!..

Георгий закрыл лицо руками, и вдруг снова разбросив руки, он ударил себя в грудь.

— О! да и ее я не оставил бы здесь живую!.. Она забыла бы меня, полюбила бы другого! Все равно: не теперь, так после я бы убил и ее и того, кого бы она полюбила! Делайте со мной что хотите!

Преступника отвели в тюрьму. Когда его призвали к допросу:

— О чем тут разговаривать, — сказал он, — велите рубить мне голову! <...>

— А помнишь молдованского бояра, что дом верх ногами построил? Что дочка — Пульхеренька-пупочка[5]? где она?

— Помню; вышла замуж.

— Ах малявочка!.. А помнишь, по ней сходил с ума Владимир Петрович[6] да Пушкин. Помнишь, он стихи ей писал?

— Помню, помню.

— Ну, а помнишь ли, дуэль у него была с егерским полковником[7], на Малине[8]! За что бишь? Да! офицера обидел, офицер не пошел на дуэль, так за него пошел сам полков-

ник. А я прихожу к нему чем свет: Здравствуй, малявка, Александр Сергеевич! А он сидит себе голиком на постеле, да в стену из пистолета попукивает... Помнишь?

— Помню, помню. <...>

Комментарий

Рассказ был напечатан в газете «Московский городской листок» (1847, № 8). В нем описана встреча автора с Ильей Лариным, отставным унтер-цейгвахтером, с которым он познакомился в Кишиневе. Вельтман рассказал в «Воспоминаниях о Бессарабии»:

«Читателям „Евгения Онегина“ известна фамилия Ларин. Ларин — родня Илье Ларину, походному пьяному шуту, который потешал нас в Кишиневе. Отставной унтер-цейгвахтер Илья Ларин, подобно Кохрену, был enjambeur [9] и исходил всю Россию кругом не по страсти путешествовать, но по страсти к разнообразию, для снискания пищи и особенно питья между военного молодежью. Не имея ровно ничего, он не хотел быть нищим, но хотел быть везде гостем. Прибыв пешком в какой-нибудь город, он узнавал имена офицеров и, внезапно входя в двери с дубиной в руках, протягивал первому руку и говорил громко: „Здравствуй, малявка! Ну, братец, как ты поживаешь? А, суконка, узнал ли ты Ларина, всесветного барина?“ Подобное явле-

ние, разумеется, производило хохот, а Ларин между тем без церемоний садился, пил, ел все, что только стояло на столе, и, вмешиваясь в разговор, всех смешил самым серьезным образом. Покуда странность его была новостью, он жил в обществе офицеров, переходя гостить от одного к другому; но когда начали уже ездить на нем верхом и не обращали внимания на его хозяйские требования, он вдруг исчезал из города и шел далее незванным гостем» («Пушкин в воспоминаниях современников». <М.>, 1950, с. 236, 237).

И. П. Липранди писал: «Помню очень хорошо между Пушкиным и В. Ф. Раевским горячий спор <...> по поводу „Режь меня, жги меня“ <...> спор этот порешил отставной фейерверкер Ларин (оригинал, отлично переданный Вельтманом), который обыкновенно жил у меня. Не понимая, о чем дело, и уже довольно попробовавший за ужином полынного, потянул он эту песню „Ой жги, говори, рукавички барановые!“ Эти последние слова превратили спор в хохот и обыкновенные с Лариным проказы» (там же, с 268).

Илья Ларин стал действующим лицом ро-

мана Вельтмана «Счастье — несчастье».

Фрагмент из рассказа напечатан в статье Ю. Акутина «У истоков Пушкинианы» («Литературная газета», 1975, № 31).

Для нашего издания отобраны отрывки из «Ильи Ларина», в которых речь идет о кишиневской жизни.

Примечания

Горчаков Владимир Петрович — см. прим. 2 к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии».

[^^^]

Липранди Иван Петрович — см. прим. 3 к «Памятному ежедневнику».

[^^^]

3

Свайка — русская народная игра, состоящая в метании большого толстого гвоздя в лежащее на земле кольцо.

[^^^]

Орлов Михаил Федорович (1788–1842) — генерал-майор, командир 16-й пехотной дивизии в Кишиневе (1820–1823), декабрист.

[^^^]

Пульхеренька-пупочка — Варфоломей Пульхерия Егоровна (см. отрывок из «Воспоминаний о Бессарабии» и рассказа «Два майора»).

[^^^]

Горчаков.

[^^^]

Имеется в виду дуэль А. С. Пушкина с командиром 33-го Егерского полка подполковником С. Н. Огаревым, которая была прервана и отложена.

[^^^]

Малина — пригород Кишинева в 1820-е годы.

[^^^]

Бродяга (*франц.*).

[^^^]